Анри де Ренье

ТРИ РАССКАЗА

РИСУНКИ
Д. БУШЕНА

Аквилон
Петербург
1922

А·К·В·И·Л·О·Н

ТРИ РАССКАЗА
АНРИ ДЕ РЕНЬЕ

Настоящее издание отпечатано в 15-й Государств. Типографии (б. Голике и Вильборг) в августе 1922 г., под наблюдением В. И. Анисимова, в количестве пятисот экземпляров, из них 75 именных, 25 раскрашенных от руки (I—XXV) и 400 нумерованных (1—400).

Экземпляр
Павла Степановича Радецкого

Р. Ц. № 1982

Анри де Ренье

Сыновья герцога де Невр
Портрет любви
Личико

Перевод Е. П. Ухтанской

Рисунки Д. Бушена

Аквилон
Петербург
1922

СЫНОВЬЯ ГЕРЦОГА ДЕ НЕВР

Les Petits Messieurs de Nèvres

От герцогини де Невр — графине де Сен Сабен, канониссе капеллы в Пуланжи.

Любезная сестра, всё сказанное Вами о г. аббате Ботуре, заставляет меня думать, что он вполне отвечает предназначаемой ему герцогом задаче. Пришлите его к нам по возможности скорее. Я еще раз поздравляю себя с мыслью обратиться к Вам; Вы лучше, чем кто бы то ни было, умеете различать характеры, постигать их свойства, правильно и мудро судить о них. Как завидую я свободе Вашего ума, дающей Вам возможность не терять равновесия при всех обстоятельствах и позволяющей Вам разбираться в окружающем. Я всегда восхищалась Вашим глубоким пониманием людей. Оно является не только следствием Вашего сана, делающего Вас от всех независимой, но также и особенностей Вашего отменного разума, всюду вкладываемого Вами и ограждающего Вас от нечаянностей мира сего! Я не могу равнять себя с Вами ни в чем. Я всегда поддавалась обману своих чувств, только с течением времени познавая их заблуждения, и в данном вопросе я не хотела бы сделать трудный выбор, не подвергнув его сперва на Ваше усмотрение. Мое высокое представление о религии внушает мне к ее служителям почтение, не позволяющее мне

самой судить об их качествах. Достоинства г. аббата Ботура кажутся мне тем более несомненными, что они опираются на Ваше одобрение. Муж мой разделяет мои чувства и поручает мне выразить Вам его признательность. Вы доведете ее до крайнего предела, приехав на несколько времени к нам в провинцию. Мы никогда ее не покидаем, и присутствие Ваше доставит нам особое удовольствие. Вы найдете тут полный покой, благотворный воздух и хорошее общество; Вы будете также иметь возможность полечиться водами, ибо почти у самого нашего сада есть целебные источники. Мы обделали один из них, пробивающийся из настоящего утеса и наполняющий кубок, который протягивает к нему обнаженная Геба. Приезжайте испробовать его действие и, сидя у ног вечной юности, мы поговорим о днях нашей молодости, о том счастливом времени, когда родилась наша неизменная привязанность, составляющая отраду моей жизни и главное сокровище моего сердца.

От г. де Ботур, священника, доктора Сорбонны,— г-ну де Тилель, врачу Парижского факультета.

Вы просите меня, милостивый государь, добавить несколько подробностей к дошедшим до Вас известиям о несчастьи, случившемся с сыном герцога. Вы, более чем кто бы то ни было, имеете право получить в этом отношении удовлетворения, ибо Вы присутствовали при рождении графа де Невр, и справедливость требует, чтобы Вы были осведомлены о злополучных обстоятельствах, при которых он обрел смерть. При преданности Вашей достославному дому, которому мы оба служим, на вас тяжело подействует рассказ о событии, поразившем его в его лучших надеждах, и, хотя и не уничтожившем их совершенно, но перенесшем их на очень юную, подверженную многим опасностям, голову. Благородная семья эта, утратившая свой лучший цвет, осталась теперь жить только в одном, сохранившемся у нее, отпрыске. На него легла обязанность продолжить ее имя и утвердить ее славу. Теперь он — ее единственная опора. Да возвратит нам Господь в шевалье то, что потеряли мы в графе, — соединение всех совершенств, обетование величайших судеб!

Когда герцог, по совету канониссы де Сен-Сабен, призвал меня к воспитанию своего старшего сына и когда, испросив помощи у божественного промысла, я принял на себя эту трудную задачу, далекий от того, чтобы предвидеть ее злосчастный конец, я тотчас же отправился в именье Беллефейль, местопребывание герцога де Невр. Он водворяется в нем, как Вы знаете, ранним летом и покидает его только на исходе зимы. Остальное время протекает в городе, где герцог вершит дела управления, председательствует на собраниях, решает спорные вопросы. Ему хватает этого короткого промежутка для тщательного и заботливого выполнения лежащих на нем обязанностей. Ни в одной провинции нет такого, как у него, благоустройства. По правде сказать, все перед ним трепещут и безропотно ему подчиняются. Налоги своевременно поступают в казну. Обязательные работы исполняются как бы сами собой. Об'езды и дозоры совершают чудеса на улицах и дорогах. Бродяги и нищие держутся на почтительном отдалении и не рискуют попадаться в руки суда, не скупящегося для них на кандалы и виселицу. Потому города и села живут спокойно. Каждый признает свое ничтожество по сравнению с таким сильным, как у герцога, характером. Все низко склоняются перед его колесницей, и никому не приходит в голову совать ему палки в колеса.

Канонисса де Сен-Сабен осведомила меня обо всех этих особенностях и посоветывала мне в ответ на приглашение поторопиться приездом. Если одеяние мое и ограждало меня от причуд герцога де Невр, то должность моя ставила меня в зависимость от его желаний, и лучше было предупреждать их, чем медлить с их исполнением. Малейшее колебание итти им навстречу вызывает внезапные вспышки, жестоко отражающиеся на окружающих.

Самая наружность герцога, как Вы знаете, указывает на опасные свойства его натуры. Это еще довольно полный человек, широкоплечий и осанистый. Пышный седой парик обрамляет его костлявое полнокровное лицо. Он отличается изящными ногами и красивыми руками, большою непринужденностью манер и утонченной вежливостью; эта благородная внешность искажается только неожиданными порывами гнева, изливающегося в жестоких руга-

тельствах, которыми, подняв трость, он осыпает тех, кто их вызвал. Если положение виновных заставляет его умерять раздражение его желчи, возбуждение, причиняемое такой сдержанностью делает его недовольство удивительно продолжительным. Из резкого он становится тогда злопамятным и от этого никому не бывает легче. Одевается он с большою роскошью, распространяющеюся и на обстановку, на стол, на экипажи: он хочет, чтобы всё у него поражало великолепием. Немудрено, поэтому, что огромные траты при дворе расстроили его состояние. Оно еще очень значительно для провинции, куда он удалился с согласия короля, чтобы поправить свои средства, сократив расходы. Но поставленный на более скромную ногу дом, еще вполне отвечая его положению, гораздо менее отвечает его вкусам, до крайности пышным.

Герцогиня, напротив, живет очень просто. Красота ее, некогда блистательная, еще сияет мягким светом. Облик ее и ее осанка не столько ослепляют, сколько пленяют. Она уже утратила первую свежесть, но от всего образа ее веет ароматом прелести, которая не может исчезнуть, ибо основана на свойствах чистой души. Наряд г-жи де Невр свидетельствует об ее стремлении дать своей эпохе утонченный пример скромности и достоинства. Разговор ее тактичен, манеры — сдержаны и благородны. В них сказывается привычка к самому высшему свету и упражнения в добродетели. Ее поведение в семье заслуживает восхищения. Грозы герцога разражаются над ней. Она с покорностью их переносит. Верность супружеским обязанностям подчиняет ее мужу душой и телом. Он злоупотребляет обоими, заставляя одну — терпеть свой нрав, другое — служить своему инстинкту. Годы ничего в этом не изменили.

Охотник до женщин, он стремится всех их обрести в жене и неотступно ее преследует. Он очень любил и продолжает очень любить ее, к тайному огорчению бедной дамы, весьма смущенной упорством этого пламени, ничем неутолимого, несмотря на постоянное удовлетворение его в течение 15 лет по ночам, а часто, когда ему вздумается, даже и днем, на виду у всех и, можно сказать, почти у меня на глазах, если судить по тем позам, в которых мне случалось заставать их, что отнюдь не приводило герцога в замешательство. Она же всё время скорбит о том, что он

не перестает наслаждаться ее телом и пользоваться им, точно ему мало двух подаренных ему ею сыновей, необходимых для сохранения рода: одного, как представителя имени, другого, как заместителя в случае, если старший, по каким-нибудь природным недостаткам, или же по воле какого-нибудь нечаянного обстоятельства будет у них отнят.

Для того, чтобы помочь графу достойно нести бремя его высокого долга, я и был приглашен к нему. Мне очень по сердцу была эта задача; я рассчитывал заслужить, при исполнении ее, одобрение у Бога и у людей и сгорал от нетерпения встретиться с моим юным учеником. Во время путешествия я размышлял о моих обязанностях по отношению к нему и пытался представить себе, каков он может быть и какие свойства найду я в его уме и сердце, но по игре случайности прежде, чем познакомиться с графом, я познакомился с шевалье и, притом, таким странным и неожиданным образом, что мне хочется сообщить его Вам во всех подробностях.

Расстояние от Парижа до Ландаля — не близкое, но, благодаря сухой погоде прекрасного лета, отличному состоянию дорог и аккуратной смене лошадей, мы проехали его в пять дней без сколько нибудь замечательного происшествия. Кухня гостиниц, где мы останавливались, заслуживала того, чтобы там задержаться. На протяжении всего пути меня поражало благоденствие и процветание королевства; в этом сказываются результаты великого царствования. Да сохранит нам Господь надолго короля, пекущегося в своем могуществе о ничтожном счастьи каждого и вплетающего в свою славу благословение целого народа!

Из Ландаля, где я решил несколько отдохнуть, я послал герцогу извещение о прибытии моем в его имение Беллефейль, куда я, выехав на следующий день утром, рассчитывал явиться в послеобеденное время.

Привязав багаж позади повозки, мы отправились на старой лошади, которую кучер погнал рысью. Я читал молитвы, и дорога проходила незаметно, как вдруг, на под'еме я был выведен из задумчивости голосом возницы, указывавшего мне концом кнута на видневшиеся издали высокие кровли Беллефейля. Я стал было

рассматривать их, но в это время град камней посыпался на нас с края дороги. Нападение было столь внезапно, что я выронил из рук молитвенник к великой радости ватаги ребятишек, с криками и дикими жестами забрасывавших нас каменьями. То были восьми — и десятилетние шалуны, красные и оборванные; они выстроились вдоль дороги и обнаруживали в своей забаве опасную ловкость. Один из них весьма отличался от своих товарищей. На нем были очень богатые одежды, превратившиеся в лохмотья с болтавшимися золотыми кистями. Чулки его спустились до пят, перо на шляпе сломалось, длинная шпага волочилась сзади. Его вымазанное ежевикой лицо смеялось и, расставив ноги, подняв руки, он, казалось, командовал атакой. Острый камень, искусно им брошенный, попал в запыхавшуюся старую лошадь, разом пустившуюся в галоп под преследовавшие ее вопли маленьких забияк. Спуск был крутой, и мы рисковали сломать себе шею. Я держался изо всех сил, и только у подножия холма мне удалось поправить парик и узнать, что юный разбойник этот был никто иной, как шевалье.

Встреча эта заставила меня призадуматься. Роль моя представилась мне крайне затруднительной в том случае, если я и у графа встречу воинственный пыл, с преждевременным развитием которого я только что столкнулся у его брата и который, будучи проявлением благородной крови, мог всё же причинить мне не мало забот.

Герцогиня приняла меня весьма благосклонно, а герцог, представивший меня ей, предложил мне без дальнейших отлагательств познакомиться с моим Телемахом.

Граф был в манеже. Герцогиня не пожелала сопровождать нас туда, ссылаясь на волнение, охватывающее ее при виде этих буйных упражнений, неизменно повергающих ее в трепет. Она удалилась в молельню, а мы вышли в сад, очень обширный и хорошо содержащийся. Аромат посаженных цветов смешивался там с запахом близ лежащих лесов. Герцог был скорее охотником, чем садоводом. Он предпочитал, если можно так выразиться, отростки клыков — отросткам деревьев, разветвление рогов — разветвлениям сучьев и величайшим удовольствием считал — загнать оленя.., величайшим подвигом — затравить вепря.

Мы прошли вдоль оранжереи и пруда, пересекли площадку для игры в мяч и достигли открытого манежа, где упражнялся граф. Это было большое, усыпанное песком, пространство между полянками газона. В центре его наездник с арапником в руке погонял на корде большую гнедую лошадь; граф сидел на ней; наш приход заставил его соскочить на землю.

Издали, и прежде чем я рассмотрел лицо графа, мне бросился в глаза его маленький рост. Он ступал как то неровно, не потому, чтобы страдал хромотой, но слабые ноги, казалось, с трудом носили его и бедра его слегка подгибались под тяжестью тела; у него было тщедушное туловище, кривые плечи, но прелестное лицо, застенчивое и кроткое с кожей белой и нежной как у девушки. Он держал в длинных худых руках серебряную плетку, и, задыхаясь от езды, едва мог произнести слово, тем более, что сильно заикался. Я смотрел на его жалкую фигуру и сравнил ее с могучим животным, с которого он только что слез. Лошадь его повели в конюшню и она прошла как раз мимо нас. Я залюбовался ее монументальными размерами, ее гривой, разделенной на косички, но мне легче было представить на ее спине какого-нибудь дородного мужчину вроде г. де Невр, чем хрупкого юношу склада его сына, совершенно не созданного, как мне казалось, для подобных упражнений и питавшего к ним мало охоты.

Наклонности его, как я скоро узнал, действительно скорее отличались тихим и мирным характером. Он любил книги и обладал очень тонким врожденным пониманием языка, хотя недостаток его речи сильно мешал ему выражаться. С быстротою и живостью соображения он соединял милую мягкость ума, большую рассудительность, жажду знания и искренний интерес к вопросам религии и истории. Терпеливая кротость увеличивала прекрасное свойство этой натуры.

Она была необходима ему, чтобы выносить нрав герцога. Хилость и нескладность его вызывали резкое и брюзгливое отношение отца. Герцог ненавидел немощность этого тела, как непрестанную угрозу своим надеждам, как препятствие своим видам; неудача эта, задевавшая его самолюбие, бесила его. Гордясь тем, что он высоко держит знамя своего дома, он хотел бы передать

главенство над ним тому, кто усилил бы его блеск и содействовал бы великой наследственной задаче, над которой сам он усердно трудился всю жизнь. Искушенный опытом, он понимал преимущества здорового тела. Душа чувствует себя в нем свободнее, она находит в нем опору для деятельностн; не говоря о тех случаях, когда один вид силы избавляет от необходимости применять ее. Ничто лучше нее не ограждает нас также от злых людей; она дает нам даже возможность пользоваться ими, ибо судьба, награждая их, обыкновенно, сверх меры, делает их предметом наших законных посягательств.

Все эти соображения побуждали герцога не пренебрегать ничем, чтобы сделать сына орудием, годным для его отцовского честолюбия. Он доходил до того, что с самым слепым упрямством насиловал его натуру, не предвидя вреда, который он таким путем мог причинить своим стремлениям и планам.

Я не сомневаюсь, что подобное воспитание, мужественное и энергичное, принесло бы прекрасные плоды, если бы применялось к не столь чуждому всем его требованиям темпераменту. Тут-же ему не за что было зацепиться. Тело и душа не имели с ним ничего общего и постоянно от него ускользали. Немногого можно было достигнуть, приневоливая их. То, что вначале являлось только неохотой, скоро превратилось в отвращение.

Нужна была вся строгость герцога, чтобы совладать со столь неподходящими наклонностями. Граф сопротивлялся во всем, сам не отдавая себе в этом отчета. Природа дала ему робкую душу в болезненном теле, а герцог настойчиво желал укрепить то и другое. Суровыми упражнениями он старался закалить нежные мускулы, переделать хрупкие кости, обогатить скудную кровь, обострить всегда умеренный аппетит. Против воли напичканный тяжелым мясом, наполненный искрометными винами, уснащенный пряностями желудок бездействовал или капризничал без всякой пользы для тела, упорно остававшегося тщедушным и искривленным, малорослым и рахитичным.

В графе старались преждевременно пробудить мужчину. Но он не терял холодности и равнодушия и, уже будучи в состоянии испытывать желания, совершенно не чувствовал их.

Камеристки герцогини выбивались из сил, поощряя всякую вольность, которую можно было бы счесть за проявление у графа некоторой склонности к волокитству. Но попытки эти пропадали даром, несмотря на всю смелость, которую они в них вкладывали, уверенные в тайном одобрении герцога. Ни услужливо раскрытые шеи, ни кокетливо подобранные юбки, ни одна из уловок, обыкновенно употребляемых женщинами, чтобы привлечь внимание к своим прелестям, не трогала взоров этого юного Ипполита.

Верховая езда и охота сильно утомляли его. Его заставляли мучаться в лесу и в манеже, и, вместо того чтобы облегчить ему непосильные упражнения, делали их ему еще ненавистнее. Для него выбирали самых горячих лошадей, так что он приезжал на загон оленя или кабана еле переводя дух и весь разбитый.

Для занятий оставалось крайне мало времени. Граф проявлял к ним большое стремление, но бывали дни, когда у нас не оставалось для них ни минуты свободной. Обязанности мои сводились почти на нет, они то и дело сокращались и прерывались, лишенные всякой определенности, зависящие от случайности кавалькад и охот. Едва успевали мы открыть книгу, как нам уже мешали. Надо было вскакивать в седло или трубить в рог. Герцог не желал признавать никаких резонов. Я пробовал почтительно представлять ему опасность такого воспитания, идущего в разрез с природою. Жесткие брови хмурились при моих словах, губы складывались в презрительную усмешку, сапоги со шпорами стучали каблуками об пол. Такие знаки нетерпения заставляли меня умолкать и про себя продолжать свои рассуждения.

Герцогиня разделяла мои воззрения и поддерживала их, но и она не могла побороть упрямства мужа, остававшегося непреклонным. Дело ухудшалось с каждым днем, но герцог был слеп ко всем проявлениям этого. Зловещие результаты режима, установленного для графа, могли об’яснить самому недогадливому, что пора положить ему конец, но г. де Невр настаивал на всё более сытной пище, на всё более буйных лошадях, на всё более отдаленных прогулках. К езде верхом присоединили вольтижирование, и жалко было смотреть, как рисковал при этом граф

своими хрупкими костями. Он возвращался весь в поту и пыли, растерянный и полумертвый. Робость его усиливалась по мере того, как к нему пред‘являли требования, -которым с трудом могло бы удовлетворить и самое решительное мужество. Он ходил сгорбившись, с опущенной головой, и вздрагивал при малейшем шуме. Какой-то болезненный страх и глубокая тоска не покидали его.

Я с грустью размышлял обо всем этом в аллеях сада, где я имел обыкновение прогуливаться. В них редко можно было найти покой. Шевалье отравлял их своим присутствием. Его всегда сопровождала ватага буянов одних с ним лет, и не было таких скверных проказ, которые не приходили бы им в голову. Они опустошали фруктовые сады и разгоняли курятники, врывались в деревни, наполняя их криками и дракой. В дни охоты, когда герцог отсутствовал, они заполняли дом и наводняли сады. Герцогиня в ужасе смотрела из окна на маленьких разбойников; они толкались, кидались камнями, гонялись за павлинами, выделывали тысячу штук, после которых шевалье являлся весь в синяках и царапинах, со спутанными волосами, окровавленным лицом, грязными руками, пропитанный запахом конюшни и отбросов. Герцог закрывал на такую распущенность глаза, считая, вероятно, что она отвечает его намерениям и найдет современем применение в опасных похождениях — естественном уделе младших сыновей, вся обязанность которых сводится к косвенному содействию прославлению дома и на которых не ложится забота о продолжении и упрочении рода. Таким образом шевалье в мире бесчинствовал при попустительстве герцога и к отчаянию герцогини.

Когда он спал, она решалась, пользуясь его спокойствием, посмотреть на него. Раздвинув полог, она склонялась над его постелью. Мальчик лежал на простыне голый, мускулистый, как маленький Геркулес, и храпел не хуже взрослого. Казалось. дневные впечатления и тут не оставляли его. Он спал крепко и сладко.

Граф почивал смутным и тревожным сном. Грезы посещали его. Иногда он даже вставал и приходил ночью ко мне в ком-

нату, худой, как привидение. Он спасался, казалось, от мучительных мыслей. Я потихоньку, стараясь не разбудить, отводил его назад в постель.

Все мы проснулись однажды утром от внезапного хора рогов, с зарею поднявших нас на ноги. То было открытие большой осенней охоты. Герцог ежегодно праздновал его многолюдными собраниями. За несколько дней до того замок наполнялся избранными гостями. Готовились травить кабанов и оленей. Присутствие большого количества собак обнаруживалось их пометом, который тщательно убирали. Своры лаяли на псарнях; лошади топтались на конюшнях.

Долгожданное утро наконец настало. Рога трубили на парадном дворе, и охотники не замедлили появиться на крыльце. Впереди шел герцог. Он был в красном, вышитом серебром, камзоле с рогом через плечо и в широкой, окаймленной золотой тесьмой, треуголке на седом парике. Граф сопровождал его; остальное общество следовало за ними. Дамы в ночных чепчиках высовывались из окон, чтобы посмотреть, как они поедут. Некоторые принимали участие в охоте. Они первыми сели в седла. То было очень красивое зрелище, нарядное и великолепное. Последняя фанфара проиграла от'езд так громко и пронзительно, что испанский жеребец графа испугался и встал на дыбы. Я подумал, что граф упадет; однако, этого не случилось, он только потерял стремена; вцепившись обеими руками в гриву и почти вышибленный из седла, он занял свое место и выехал вместе с другими за ограду.

Тогда глубокая тишина сменила весь этот шум. Окна стали закрываться одно за другим, и слышались только буйные крики шевалье, выхваченного из под лошадей и бившегося в руках двух лакеев, получивших приказание держать его; он неистово колотил их головой, вне себя от производимого над ним насилия, и весь дрожал в припадке юного бешенства.

За исключением этого, день прошел довольно спокойно. Дамы собрались в саду и занимались там игрою в кольца и приятной беседой. Я имел честь присоединиться к их компании и вести разговор с несколькими из них, в особенности

же с герцогиней, соблаговолившей с интересом отнестись к моим замечаниям и пожелавшей узнать мои взгляды на разные вопросы; некоторые из них были весьма деликатного свойства, и она искала помощи в моих советах. Часто беседа наша принимала совершенно интимный оборот. Она делилась со мной своими сомнениями относительно герцога, любовная назойливость которого не терпела отказа. Я успокаивал ее супружеские волнения и материнские заботы.

Эти последние были очень значительны. Здоровье графа являлось их причиной и она неустанно возвращалась к нему. Она не кончила еще говорить со мной об этом, когда, с наступлением темноты, дамам пришлось отправиться домой, чтобы заняться туалетом к вечернему столу, который должен был иметь место по возвращении охотников. Герцог устраивал такие пиршества с большою пышностью. Охота не утомляла его членов, так же как еда — его желудка и головы. Многие гораздо хуже переносили то и другое, и он с тайным удовольствием наблюдал за ними. Его здоровый и тонкий вкус ценил как качество, так и количество пищи. Он любил радости чувств. Ему хотелось наслаждаться хорошими винами, изысканными блюдами, острыми пряностями в присутствии богато убранных женщин.

Моя прирожденная умеренность, равно как и одеяние мое, заставляли меня удаляться от этих пиршеств; герцог освобождал меня от них, утверждая, что ода Горация удовлетворяет мой аппетит и что я предпочитаю фалернское поэта в его глиняной амфоре — винам его погребов в их стеклянных бутылках.

Я продолжал прогуливаться по восхитительному в сумерках саду. Различные мысли бродили у меня в голове. Вода в бассейнах казалась прекрасной и темной, и я забрел довольно далеко, так что настала уже ночь, когда я повернул назад к замку.

Большие окна были ярко освещены, и я предвкушал удовольствие насладиться вдали от великих мира сего угощением, состоящим из мяса, фруктов и сладостей, в торжественные дни присылаемых герцогиней в мои комнаты. Я поднялся на крыльцо и открыл дверь в переднюю. Необыкновенное зрелище поразило мои взоры. Обширная галлерея была полна народу. Из нее до-

носился гул пониженных голосов. Люди в каком-то немом смятении образовали странные группы. Охотничья прислуга в грязных сапогах толкалась рядом с расфранченными господами.

Было очень тесно и жарко. Какой-то старик, сняв парик, отирал лысый череп. Все толпились у широко раскрытой двери в столовую, загораживая ее своею массою. Два поваренка, прибежавшие из кухни, влезли, чтобы лучше видеть, на скамейку. С перил лестницы свешивались дамы, полуодетые с растегнутыми корсажами, с болтающимися шелковыми шнурками; иные — в белье, другие — с обнаженными плечами, та — в нижней юбке, эта — непричесанная с золоченным башмачком в руке; они в волнении бросились сюда, прервав туалет. Порою водворялось зловещее молчание. Все признаки большого несчастья виднелись на лицах.

Я воспользовался выходом лакея, выносившего окровавленное белье, и проник в столовую. Накрытый стол сверкал там. Высокие канделябры бросали яркий свет на хрусталь и серебро. В воздухе носился смешанный запах горящего воска, жареного мяса, фруктов, распаренной кожи, лошадиного пота.

В конце стола, на скатерти, среди опрокинутых приборов, лежал бездыханный граф. Врач замка, нагнувшись над бледным личиком, раскрыл худощавое тело. Костлявая и узкая грудь выгнулась, и на боку около ребер сочилась рана. Кровь с окрашенной ею скатерти каплями падала на плиты пола. Перед этим потрясающим зрелищем герцог стоял с обнаженной головой, герцогиня же упала на колени. Ее прекрасные волосы рассыпались по груди. Беда застигла ее полуодетой, она прибежала, как была, в рубашке, и плакала, не переставая.

Я понял по движению врача весь размер несчастья. Он поднял ухо, приложенное к груди умирающего. Рана перестала сочиться. Трепет пробежал по побледневшему телу. Опущенные веки широко открылись, и стеклянные глаза взглянули, не видя. Вытянувшаяся рука случайно наткнулась на докатившийся до нее из опрокинутой вазы плод и впилась в него пальцами. Сок брызнул из под ногтей.

Граф скончался.

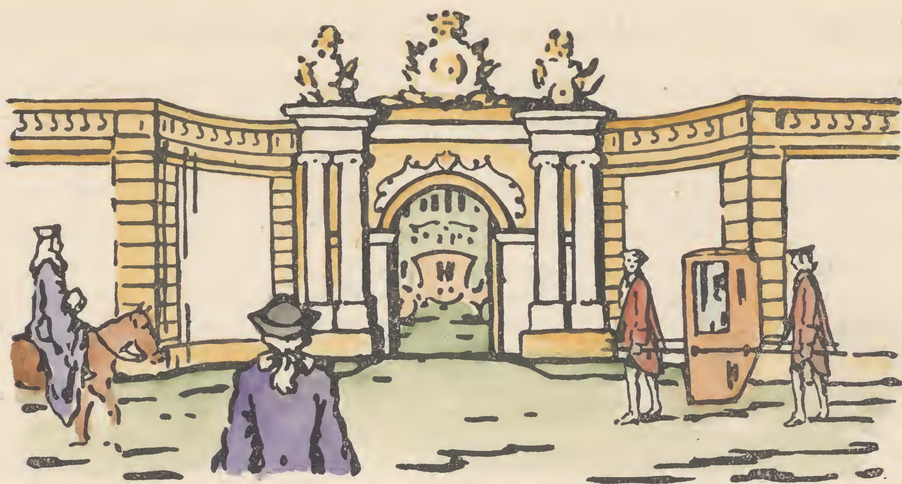
Все молчали; я смотрел на большую картину, висевшую на стене и изображавшую пейзаж, на котором дикий вепрь распарывал клыком юного Адониса.

Таков был трагический конец этого молодого человека; так рушилась надежда славного дома. Герцог не высказывает своей скорби словами, но изменившееся лицо его выражает ее сильнее самых громких сетований. Он не может, хотя бы отчасти, не приписывать себе ужасного несчастья. Если бы он предоставил графа его наклонностям, мирным и созерцательным, обусловленным свойствами его физической природы, хилой и слабой, но способной вынести регулярное существование, нам не пришлось бы оплакивать такую непоправимую потерю, переживаемую герцогиней со всеми признаками величайшего отчаянья. Даже шевалье был сначала как бы ошеломлен смертью брата, но скоро он снова принялся за обычные проказы; недавно одна из них причинила большую тревогу, ибо, сев верхом на бронзового сфинкса на берегу пруда, он соскользнул с него, упал в воду и непременно утонул бы, если бы его во-время не вытащили. Происшествие это, видимо, сильно огорчило герцога. Пребывание в деревне и связанная с ним свобода увеличивают опасности наклонной плоскости, на которую толкает шевалье его натура бурная, неистовая и неукротимая. Г. де Невр почувствовал необходимость неусыпного надзора за этим трудным развитием и решил, что жизнь в Париже благоприятнее отзовется на его планах. Поэтому он ведет переговоры относительно управления провинцией и собирается вновь появиться при Дворе, если королю угодно будет продолжить свое к нему благоволение, или же вернуться к частной жизни в собственном особняке на улице Ботрейли, в ограде которого арена для подвигов шевалье сведется к небольшой рощице и к садовой полянке.

Что до меня, то деревенская тишина внушила мне желание удалиться от мира. Надгробное слово о графе де Невр, произнесенное мною в Ландальской церкви, обратило на меня внимание епископа, предложившего мне, чтобы приблизить меня к себе, место здешнего каноника. У меня будет много досуга и определенные занятия. Жизнь моя замкнется в их тесном кругу и

мне остается только славить Господа за оборот принятый ею. Звонят к вечерне. День мой также клонится к закату. Солнце бросает косые лучи на поля. Я часто брожу среди них по дорогам. Они направляют мои шаги; гуляя я размышляю и герборизирую. Я удовлетворяю таким образом общую простым душам склонность, некогда связавшую нас дружбой; но я умею только различать названия и краски растений, тогда как Вы обладаете искусством применять к людям их целительную силу и лечебные свойства.

От г. де Тилель, врача Парижского факультета — г. Ботуру, канонику коллегиальной церкви в Ландале.

Я до сих пор не успел поблагодарить Вас за Ваше письмо, господин каноник, и радуюсь, что замедлил с ответом Вам, ибо теперь могу присоединить к нему поздравление с местом каноника, на которое назначил Вас г. де Ландаль. Мне сообщили об этом как раз, когда я сел писать Вам. Вы вполне заслужили пост этот своими знаниями и добродетелями. Они с давних пор известны мне, но, несмотря на всю мою в них уверенность, я всегда с особою радостью слышу, как им воздают должное. Я не ощущаю недостатка в этом, ибо герцогиня де Невр неистощима в похвалах Вам. Я был приглашен к ней скоро после ее приезда в Париж; печальные события, о которых Вы мне писали, поразив ее душу, не пощадили и ее тела.

Я нашел у нее крайнюю слабость, которую и стараюсь побороть постепенным лечением, не теряя надежды, что, в конце концов, оно победит черную тоску, овладевшую герцогиней и отнюдь не способствующую рассеянию ипохондрического на-

строения герцога. Это последнее об'ясняется жестокой утратой, понесенной им в лице его старшего сына. Он очень тяжело переживает ее и с полной искренностью открылся мне в этом. Он сильно страдает, видя, что род его свелся к единственному отпрыску, столь же шероховатому и узловатому, сколь первый был тонок и хрупок.

Шевалье еще ребенок, но зрелость его далеко опередила его возраст. Необыкновенные порывы кипят в нем. Особенность эта не ускользнула от герцога, поручившего мне следить за его драгоценным здоровьем, заботиться об его состоянии и направлять его развитие.

Надо было как можно скорее найти способы умерить пыл крови, представляющий, по мнению герцога, непрерывную опасность. Правда, Вы изобразили мне шевалье в достаточной мере отчаянным повесой, но поведение его превзошло то, что письмо Ваше дало мне возможность предвидеть.

Прежде чем решительно воздействовать на эту натуру, не следовало ли основательно ознакомиться со всеми свойствами предмета нашего наблюдения, чтобы определить путь, по которому надо итти, и установить режим, которому полезно его подвергнуть. Так я и поступил; я попросил герцога присоединить ко мне в определенный день нескольких моих коллег по его выбору с тем, чтобы они своими мнениями подкрепили бы или опровергли мои взгляды, а он с своей стороны в самых спорах наших нашел бы основу для своего доверия и, остановившись на одном из нас, мог бы твердо за него держаться. Герцог согласился на мою просьбу и, в противность моим ожиданиям, не назвав мне кого он предполагает пригласить, назначил наше собрание на следующий день.

В условленный час, готовясь переступить порог особняка де Невр, я обернулся на стук колес и увидел под'езжавшего в экипаже г. Лобо.

Г. Лобо человек не моего вкуса и врач не моего круга. Я не разделяю его доктрин; он сильно заражен новшествами, и самые нелепые из них не отталкивают его. Кроме того он одевается по моде и, повидимому, боится быть принятым за человека нашей

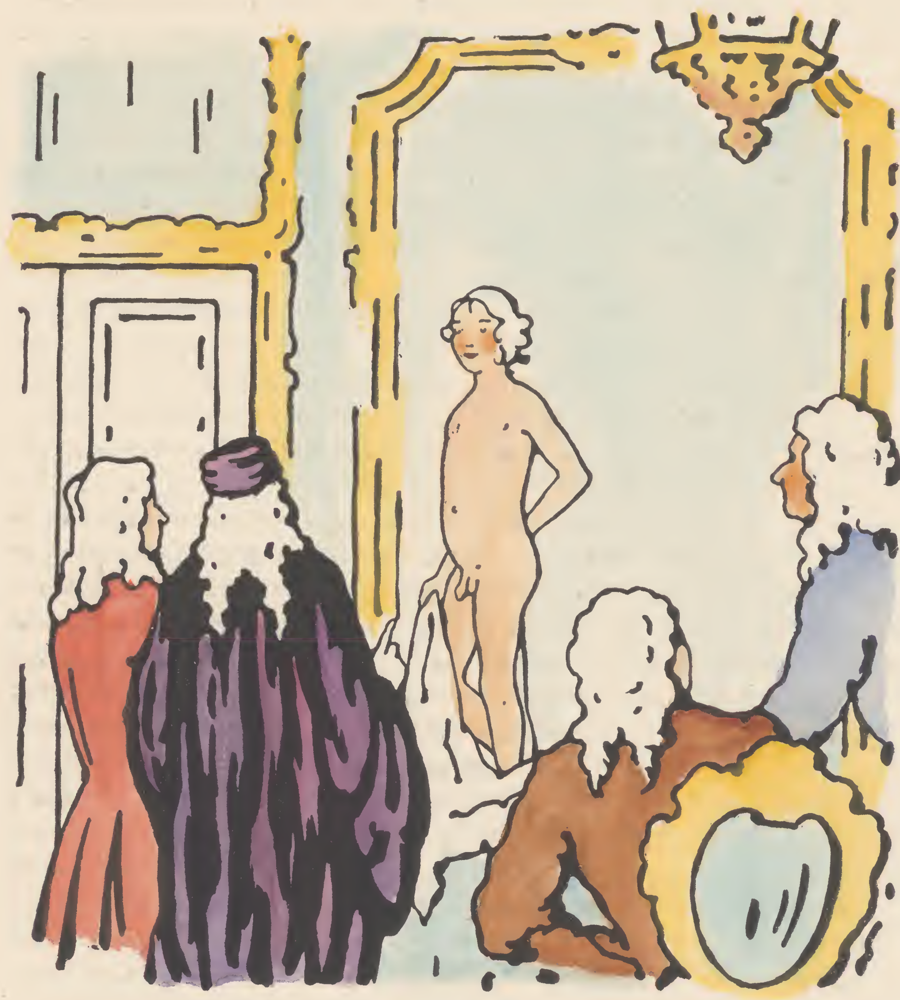
профессии. Его можно также легко счесть за учителя танцев, как и за учителя лечения, танцмейстерская скрипка пристала ему не меньше, чем докторские инструменты. Он носит манжеты и кружева. Его серый камзол с брильянтовыми пуговицами сразу же оттолкнул меня и я готов был повернуть ему спину, когда он вылез из экипажа. В это время из порт-шеза, остановленного носильщиками у тротуара, вышел г. Дюбон. Трудно не ценить искусство г. Дюбона и быстроту его рук, но хирургия его идет в ущерб его врачеванию, и я предпочитаю его ловкость его диагнозу. Терпеливое изучение, кропотливое исследование мало интересуют его. Он — герой. Он не признает медленной и мудрой осады, хитрых подкопов, которыми можно обойти болезнь. Он— человек неожиданностей и внезапных нападений. Он сразу же идет на приступ. Потому победы его стремительны, а неудачи — бесповоротны. Во всей его фигуре есть что-то решительное и воинственное. Так и ждешь, что он придет лечить закованный в латы. Советы его звучат как приказания. Я заранее чувствовал себя враждебно настроенным к мнениям этих господ и думал, что борьба между г. Лобо, г. Дюбоном и мною завяжется очень жестокая, как вдруг с душевною радостью, которую ничто не может передать, я увидел в конце улицы моего знаменитого учителя, достойнейшего и почтеннейшего г. Вердюрэ. Человек этот— воплощение медицины. Вам известно его уважение к здоровым традициям, его строгое знание, его непоколебимая верность принципам факультета. Глубокий, но еще бодрый, старик, он применяет все прежние приемы. Он раз'езжает по городу по старинному обычаю в докторском одеянии, верхом на муле. Его знают всюду, где он показывается, и он раскланивается со всеми, приподнимая четырехугольную шляпу. Так сделал он перед каждым из нас, и мы вошли в особняк де Невр следом за ним в сопровождении двух аптекарей, приглашенных мною для подкрепления нашего ученого кортежа.

Нас провели прямо в большую залу, где мы расположились вокруг стола в глубоких креслах. Г. Вердюрэ положил четырехугольную шляпу рядом с собою и надел маленькую шапочку из черного шелка.

При входе герцога мы поднялись с мест. Мне показалось, что моя скромная внешность и почтенный вид г. Вердюрэ произвели на него более благоприятное впечатление, чем светское изящество г. Лобо и военная выправка г. Дюбона. Господа эти плохо оправдывали его представление о князьях современной науки; наши манеры, повидимому, гораздо более отвечали его ожиданиям. Поделившись с нами своими опасениями, об'яснив, какой помощи желает он от наших знаний, подчеркнув, как драгоценны теперь жизнь и здоровье шевалье и как важно дать им разумное направление, он остановился на значении его как единственного наследника, сосредоточивающего в себе всё будущее знатного рода; он погоревал об этом обстоятельстве, которому герцогиня может еще пособить, подарив ему нового сына, о чем он неусыпно старается; он повторил затем, что в ожидании этого необходимо укрепить здоровые наклонности, заложенные в мальчика природой; по окончании, занявшей весьма мало времени, речи этой, он приказал ввести шевалье.

Громкий говор, похожий на ссору, уже давно слышался за дверью, и шевалье тотчас же появился. Ему только что минуло одиннадцать лет, но на вид кажется гораздо больше. Он статен, высок и крепок. Особенно убедились мы в этом, раздев его для осмотра. Мы нашли, что он хорошо развит и отлично сложен. Шевалье довольно охотно подчинился нашим желаниям. К тому же костюм г. Вердюрэ, его почтенный вид, его пожелтевшее лицо возбудили в нем, казалось, сильное удивление, которое я приписал невольному уважению, вызываемому представителями науки в самых больших невеждах. Он не сводил глаз с длинного одеяния, с висячих рукавов, с полотняных брыжей, с роговых очков и особенно с черной шелковой шапочки. Кончиком пальца он дотрагивался до четырехугольной шляпы. Я воспользовался его покладливостью, чтобы, приложив ухо к его спине и груди, выслушать его внутренние органы. После этого мы попросили его влезть на стол, чтобы лучше ознакомиться со строением его тела.

По знаку г. Вердюрэ один из аптекарей подошел с рожком из прозрачного стекла в руке, и г. Вердюрэ попросил шевалье помочиться туда, но ничто, ни приказание герцога, ни наши

настояния не могли склонить его к этому. Он не шевелился, немой и упрямый. Вдруг он передумал и очень вежливо заявил, что не станет мочиться, пока на него не наденут четырехугольной шляпы г. Вердюрэ и его очков. Пришлось подчиниться этому желанию, и он ответил нам любезностью на любезность. Склянка начала наполняться, но вдруг шевалье резко отшатнулся; сильная струя, направленная прямо в лицо г. Вердюрэ ослепила его и он выронил из рук сосуд, который разбился, в то время, как проказник, громко смеясь, соскочил на пол и, проскользнув мимо охранявших дверь аптекарей, улизнул голый с очками на носу и шляпой на голове.

Когда мы обтерли следы этой любезности и вновь уселись вокруг стола, г. Лобо поднялся, чтобы выразить свое мнение: „Ваше сиятельство“, так начал он, „осмотр, только что сделанный нами вашему сыну, бесконечно радует меня и вы имеете все основания для величайшего удовлетворения. Я не знаю ребенка более здорового, более живого и более резвого, если судить по выходке, с которой он нас покинул. Всё это — превосходные и многообещающие качества, и надо предоставить природе заботиться об их развитии с помощью лет, которые внесут свою долю в рост и укрепление такого счастливого организма. Шевалье одарен гораздо богаче обыкновенного и, по моему мнению, следует положиться на его темперамент, не стараясь руководить прихотями этого последнего. Я почитаю, что небу угодно было предназначить сыну вашему прекрасную жизнь, наградив его с детства редкостными свойствами, достаточными, чтобы сделать его человеком отличного сложения и железного здоровья“.

Во время речи г. Лобо достойнейший г. Вердюрэ не сводил с меня глаз. Во взоре его я читал насмешливую радость, возбуждаемую в нем этими претенциозными нелепостями. Немое удовольствие наше было доведено до высшего предела резкостью г. Дюбона, своим густым голосом заявившего, что ему нечего делать тут, что здоровье шевалье не оставляет желать ничего лучшего, что, вместо того чтобы держать его под строгим и неусыпным надзором, следует не стеснять его шалостей, прекрасный образчик которых мы только что видели, и позволить ему резвиться

на свежем воздухе; он прибавил, что если во время игр шевалье расшибется или переломит себе руку или ногу, он охотно исправит при помощи своего искусства беду, причиненную неуравновешенностью такой прекрасной натуры, что его дело не предупреждать возможные случайности, а излечивать повреждения. „Дайте мне“, говорил он, „хорошенький вывих и я вправлю его, хорошенькую язву и я очищу ее, хорошо назревший нарыв и я вскрою его. Я приношу действительную пользу, я исцеляю боевые раны и домашние увечья. Ни один обломок кости не ускользнет от моих щипцов, и через самый чувствительный проход извлеку я засоривший его камень. Итак, ваше сиятельство, я надеюсь вновь встретиться с шевалье только когда он вернется с поля битвы с мушкетной пулей или осколком гранаты в теле и берусь поставить его тогда на ноги и дать ему возможность вновь не щадить себя во славу родины и на пользу короля“.

Г. Вердюрэ встал в свою очередь, еще продолжая исподтишка смеяться над этой чепухой. Я с нетерпением ждал его слов, уверенный, что их здравый смысл и авторитетность не преминут изгладить из ума герцога дурное впечатление, которое не могли не произвести на него речи г.г. Лобо и Дюбона. Надежды мои не были обмануты. Г. Вердюрэ отмстил за святую доктрину. Я ликовал, внимая истинам, исходившим из его почтенных уст. „Я не разделяю, ваше сиятельство, “шамкая говорил г. Вердюрэ, „мнения этих господ, желающих, чтобы природа распоряжалась человеческими телами по своей прихоти и готовых затем исправлять при помощи мази или железа ее промахи и уклонения. Я считаю как подобное попустительство, так и подобное посредничество, весьма пагубными; они отрицают главную задачу медицины, состоящую в том, чтобы защищать тело от самого тела. Роль медицины заключается не только в исцелении, но и в предохранении. Она должна не робеть перед велениями природы, но, в случае надобности, противиться им, и вместо того, чтобы послушно следовать за ней в ее заблуждениях, обуздывать их, заранее их предугадывая. Медицина—не услужливая соседка, которую призывают криком „пожар“, когда дом уже загорелся, ей следует сидеть у очага, из которого может вылететь искра,

зароняющая огонь. Она должна не столько бороться, сколько предварять, и для этого быть всегда на лицо. Помощь ее будет гораздо существеннее, если место уже занято ею и ей известны все его тайны. Правда, природа создала себе из тела шевалье отличное обиталище и я охотно верю, что она находится там в прекрасных условиях, но, чтобы сделать его совершенным, надо изменить некоторые обычаи, улучшить обстановку, урегулировать служебную часть. В организме шевалье царствует неурядица. Та зала — переполнена, этот коридор — загроможден, тот закоулок — слишком душен. Я хотел бы навести там чистоту и порядок. Для этого нужен искусный управитель, и я не вижу никого более подходящего, чем г. де Тилель, ибо ни г. Лобо, ни г. Дюбон не выражают готовность итти навстречу нашим желаниям. Что до меня, то мое собственное здание слишком уж расшаталось под ударами времени, и мой преклонный возраст не позволяет мне рассчитывать на жизнь достаточно долгую, чтобы следить за здоровьем шевалье до тех пор, пока ему нужен будет руководитель“.

Речь эта явно понравилась герцогу; он очень расхваливал за нее г. Вердюрэ, довольно холодно простился с гг. Лобо и Дюбоном и оставил меня у себя.

Состояние шевалье требовало немедленного вмешательства, и я поистине могу сказать, что, если он достигнет возраста мужчины, то будет обязан этим твердому и разумному методу лечения, примененному мною.

Передо мною было тело преждевременно перегруженное противоречивыми стремлениями, ведущими между собою непрерывную борьбу, и необходимо было спешно приняться за руководительство им. Прирожденная невоздержанность развивала опасный жар в крови, который надо было умерить во что бы то ни стало, ибо результатом его являлся досадный избыток силы, кипучие порывы, грозившие шевалье величайшими затруднениями в будущем. На это указывал его буйный характер, постоянная потребность в движении и криках, непобедимая склонность к гневу. Прежде всего следовало обуздать и укротить этот темперамент, добившись таким образом некоторых шансов управлять им по

своему усмотрению. Поэтому я установил для него последовательный режим. Аптекари аккуратно посещали его, и я достиг того, что желудок его очистился от газов и дурных испражнений. Затем я стал поить его микстурами и потогонными и очень тепло укрывать в постели. У него появились сильные испарины. Всякий другой значительно ослабел бы от всего этого, но он оставался неукротимым. Я проделал всё сызнова; я упорствовал—он сопротивлялся. Это тянулось так долго, что я уже начал, если не отчаяваться, то, по крайней мере, раздражаться на столь неблагодарное здоровье и пришел к заключению, что какая нибудь детская болезнь оказала бы благотворное действие и пришла бы мне на помощь, отдав мне шевалье, если можно так выразиться, со связанными руками и ногами, сломив его неуступчивость и победив его преждевременно закаленную и непобедимо упрямую натуру.

К счастью, погода стояла сырая и дождливая, появилось много заразных болезней, от которых в возрасте шевалье трудно уберечься. Не рассчитывая на оспу, пришедшуюся бы весьма кстати, я надеюсь, по крайней мере, на корь, способную, в конце концов, заменить нам ее.

Ожидания мои не были обмануты, они осуществились в полной мере. Несколько дней тому назад шевалье почувствовал сильную боль в шее и в нижней части позвоночника. Его стало лихорадить и ему пустили кровь. Ночь прошла тяжело и беспокойно. Сейчас у него появилась сыпь. Необходимая мне болезнь налицо. Вам известно, чего я от нее ожидаю. Я не могу удержаться от удовольствия поделиться с Вами этим, и счастлив случаю назвать себя, господин каноник, Вашим смиренным и покорным слугою.

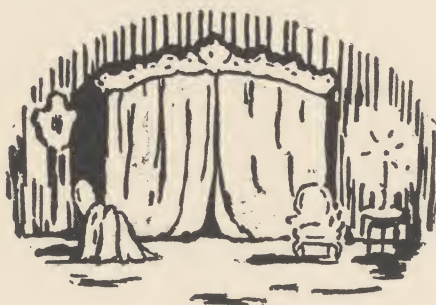

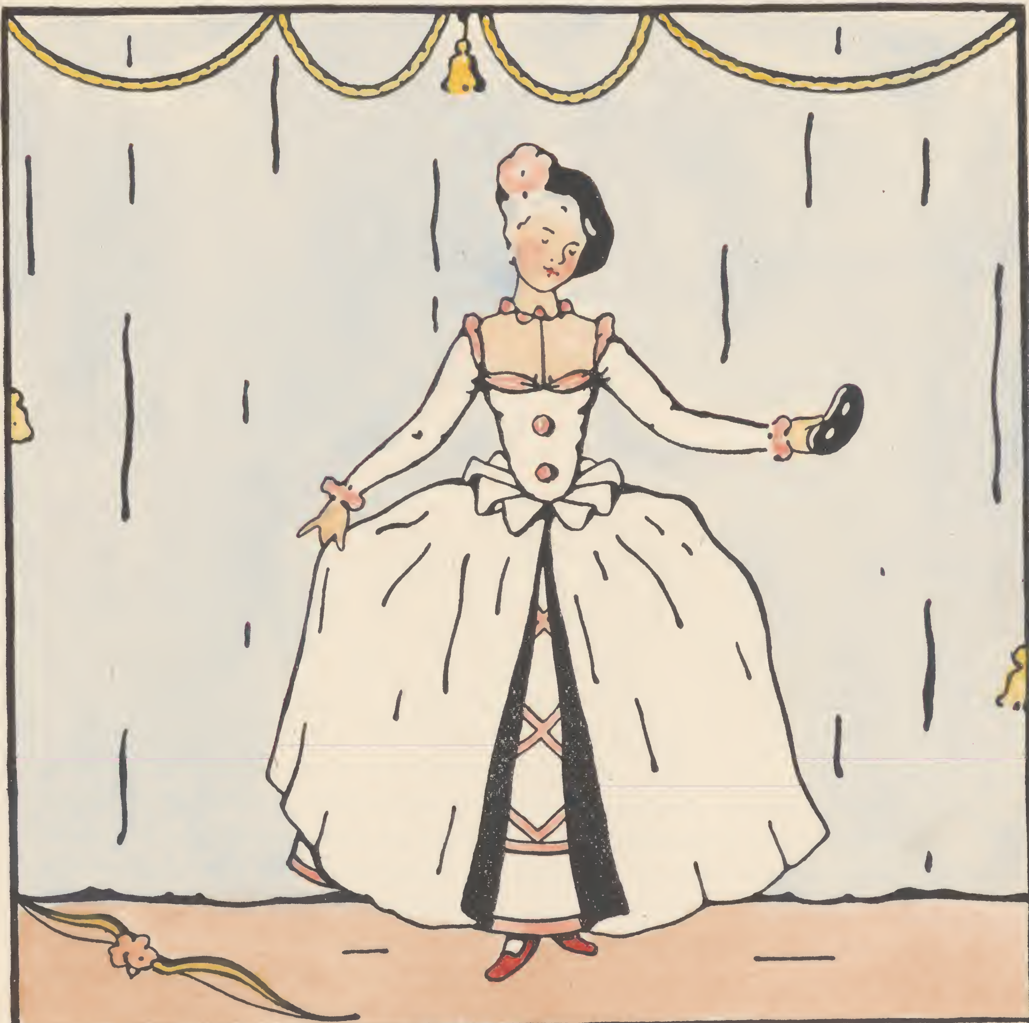
От герцогини де Невр — графине де Сен-Сабен, канониссе церкви в Пуланжи.

Я понимаю, любезная сестра, Ваши сетования и, разумеется, глубоко сочувствую Вам. Вы говорите, что здоровье Ваше посредственно и что одиночество усиливает Ваши болезни. Мне приятно было бы приехать к Вам, согласно Вашему дружескому желанию, делающему мне большую честь, но я сомневаюсь в своей способности оказать Вам поддержку, которой Вы от меня ожидаете. Печаль моя доставила бы Вам мало утешения. Ищите его выше. Господь поможет Вам перенести Ваши испытания, как помог он мне пережить мои. Вы приписываете Вашу заброшенность сану, избранному Вами. Увы, я завидую Вам. Ваше одиночество кажется мне сладким, Вы никого не оплакиваете, Вы горюете только о самой себе. Я сокрушаюсь о двойной утрате, и после злополучного происшествия с графом и оспы шевалье, так внезапно унесшей его, я влачу жалкое существование. Я хотела бы распорядиться им по Вашему усмотрению, но герцога очень огорчил бы мой от'езд. Он никогда бы на него не согласился. Я должна посвятить ему последние дни, в которые я еще способна быть

женою. Скоро годы превратят меня в подругу, непригодную для его надежд, и я не хочу лишать его имеющихся еще у нас шансов заменить двух сыновей, отнятых у нас небом; оно может, если не облегчить нашу скорбь, то, по крайней мере уменьшить значение нашей потери, благословив нас рождением ребенка о чем я возношу непрестанные молитвы и к чему герцог прилагает все усилия.

ПОРТРЕТ ЛЮБВИ

Le Portrait d'Amour

Мне не довелось познакомиться со знаменитым Антуаном Ватто из Валансьена, ибо его уже не было в живых, когда отец мой, честный торговец сукном под вывеской „Золотой Камзол“, отправил меня из Этампа в Париж для усовершенствования проявившийся у меня с детства склонности к изображению лиц и рисованию с натуры. Добрый человек этот считал такую способность счастливою и не сомневался, что рано или поздно она создаст мне имя в искусстве. Он так гордился моими слабыми опытами, что показывал их каждому входившему в лавку клиенту, причем все они осыпали меня похвалами, и отец не уступал им в этом. Но особенно повлияло на решение его, заставить меня променять аршин на кисти, одобрение, выраженное его намерению маркизом де ла Геранжер.

У г. де ла Геранжер недалеко от Этампа был прекрасный замок, славившийся в округе великолепием построек и прелестью садов и фонтанов. Несмотря на все основания гордиться этим, г. де ла Геранжер был самым приветливым барином, когда либо существовавшим на свете. Богатство его и его происхождение равняли его с самыми значительными лицами королевства, и он так естественно считал себя стоящим выше обыкновенного уровня людей, что ему и в голову не могло придти дать это кому

нибудь почувствовать. Он относился ко всем с большою добротой. Приезжая в Этамп, г. де ла Геранжер останавливал карету, чтобы поговорить с тем или другим обывателем. Я часто видывал эту карету у дверей дяди моего, г. Шеню, зеркального мастера, а также у дверей нашей лавки, и каждый раз г. де ла Геранжер не забывал осведомиться у отца о моих успехах.

И вот настал момент, когда успехи эти показались г. де ла Геранжер настолько крупными, что он посоветовал отцу дать мне возможность серьезно заниматься и совершенствоваться в живописи. В городке нашем нельзя было найти для этого никаких способов, и г. де ла Геранжер уговорил отца послать меня в Париж. Любя искусство, он обращался несколько раз к г. Даверэ, довольно известному художнику и лучшему ученику покойного г. Ватто. Г. де ла Геранжер предложил устроить меня к г. Даверэ. Мне минуло шестнадцать лет и мне давно было пора учиться. Г. Даверэ согласился принять меня. Он отвел мне чердак для спанья и водворил меня у себя в мастерской.

Работы г. Даверэ не лишены были ни дарования, ни умения, Г. Даверэ искусно изображал веселые праздники во вкусе г. Ватто; у него было несколько вещей этого последнего, и он искренно восхищался ими. Скоро и я заразился этим чувством вложив в него весь пыл молодости. Рисунок г. Ватто, колорит г. Ватто—только это и было у меня на уме! Я упражнялся в писании сельских концертов и деревенских собраний по способу превосходного мастера, вдохновлявшего также и г. Даверэ, который заставлял меня работать над фоном своих картин и поручал мне иногда какую-нибудь незначительную на них фигуру.

Г. Даверэ был толстяк, веселый и добрый. Физиономия его и его вкусы несколько противоречили излюбленным им сюжетам. Г. Даверэ питал пристрастие к хорошему столу и хорошему вину, к сытным обедам и продолжительным попойкам. Такие наклонности должны были побудить его скорее к изображению ярмарок и простонародных увеселений во фламандском духе, ибо прелести Рампонно он ценил больше, чем радости волшебного острова! Потому и мне приходилось принимать участие в обильных возлияниях, которыми он не пренебрегал. Такие вечера

влекли за собою для меня иногда маленькие несчастия, потешавшие г. Даверэ. Я терпел их, потому что любил г. Даверэ, потому что он был моим учителем, а также потому, что по выходе из кабака, он зачастую водил меня в комедию. Г. Даверэ был большой до нее охотник. Фарсы и буффонады забавляли его, он хохотал там во всё горло. Что до меня, то я отдавал предпочтение представлениям итальянских комедиантов. Там я чувствовал себя совершенно счастливым. Образы Арлекина и Жилля, Коломбины и Лелио доставляли мне бесконечное удовольствие. Меня пленяли их пестрые костюмы, их маски и гитары, их шутки и жесты. В них было что-то утонченное и фантастическое, напоминавшое мне картины моего милого Ватто. Зрелища эти навевали на меня нежную и тихую мечтательность, которой я охотно отдавался по природе своей, несколько склонной к пастушеским настроениям.

Возвращаясь с таких спектаклей, я пытался, насколько мог, воспроизводить их краски и движения. Некоторые из моих опытов в этом направлении попались на глаза г. де ла Геранжер; он просил передать мне свое одобрение; и в один прекрасный день я получил от него приказание с кистями и станком приехать к нему в замок. Приглашение это удивило меня, но мне оставалось только повиноваться, я простился с г. Даверэ и сел в почтовую повозку, спрашивая себя, что может быть угодно от меня г. де ла Геранжер.

Когда я приехал в замок, там всё было перевернуто вверх дном, и величайшая суматоха царила там. Для удовольствия своей дочери, пожелавшей играть в спектакле, г. де ла Геранжер велел построить маленький, но очень благоустроенный театр. Пьеса была выбрана, труппа составлена. М-ель де ла Геранжер должна была исполнять роль Коломбины, а маркиз выбрал для себя роль Болонского доктора. Меня г. де ла Геранжер вызвал, чтобы писать декорации и костюмы. Мне оставалось только приняться за дело. М-ель де ла Геранжер сгорала от нетерпения убедиться в моем искусстве.

Я видал иногда мельком м-ель Антуанетту де ла Геранжер сквозь стекла кареты, но за четыре года моего отсутствия она

удивительно изменилась. Я был ослеплен ее красотою. Она отнеслась ко мне очень мило, тотчас-же завладела мною и об'яснила мне чего ждет она от моего таланта. С этой минуты я перестал принадлежать себе. По двадцать раз в час входила она в комнату, где я работал, наполняя ее своей резвостью и весельем. Она обращалась со мной с самой непринужденной фамильярностью, называя меня своим милым художником, своим милым костюмером. Затем она уносилась, словно вихрь, чтобы через минуту появиться снова. Каждый раз сердце всё сильнее билось у меня в груди: я был без памяти влюблен в м-ель де ла Геранжер! Да я, смиренный сын суконщика из Этампа, влюблен в дочь самого богатого вельможи в крае!

Между тем настал день представления. Вся окрестная знать присутствовала на нем. Декорации и костюмы были найдены красивыми и забавными. Но особенно аплодировали г. де ла Геранжер, великолепному в роли Болонского доктора, и прелестной Антуанетте. Она была поистине восхитительна в виде Коломбины и играла превосходно. Спектакль превратился для нее в блестящий и заслуженный триумф.

Я присутствовал на нем, спрятавшись за стойкой для ламп. Ах! какой сладкий и жестокий час провел я там! Одно только уменьшало мое страдание—мысль, что я скоро вернусь в Париж. Там я вновь найду г. Даверэ и постараюсь забыть нелепое безумие, овладевшее мною. Хороший обед в трактире, наверное, поможет мне в этом, и я рассчитывал на вино Рампонно, чтобы справиться с действием любовного напитка, струившегося из глаз м-ель де ла Геранжер!

Какова же была моя досада, когда, на другой день после представления, г. де ла Геранжер сообщил мне желание дочери иметь свой портрет в костюме Коломбины. Но едва узнал я эту новость, как чувства мои круто изменились. Мысль провести несколько дней в обществе м-ель де ла Геранжер наполнила меня внезапной радостью. Я получу таким образом возможность в волю любоваться прелестным лицом, черты которого мне придется воспроизводить. Я не знал покоя до тех пор, пока не водворился, наконец, за станком перед обожаемой моделью.

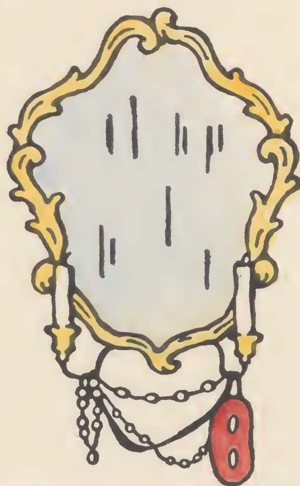

Мне отвели для работы одну из зал замка, выходившую окнами в сад. За ними виднелись перспективы деревьев и цветников, столь милых сердцу г. Ватто, и мне казалось, что частица его гения и умения перешла ко мне. Я писал, охваченный каким-то восторгом. Благодаря итальянскому костюму, в котором была м-ель де ла Геранжер, она представлялась мне перенесенной в мир волшебства и комедии, где всё легко улаживается и примиряется не так, как в современном нам обществе. Там нет никаких уз для человеческих чувств и фантазий. Одни только законы сердца царствуют в том блаженном краю. Переодевания и ловкие увертки преодолевают там всякие препятствия. Там всё маски и песни. Ничто не мешает там королю жениться на пастушке и принцессе оказывать благосклонность бедному лодочнику. В этой романической стране любовь устанавливает сладкое равенство и, играя, соединяет самые различные судьбы...

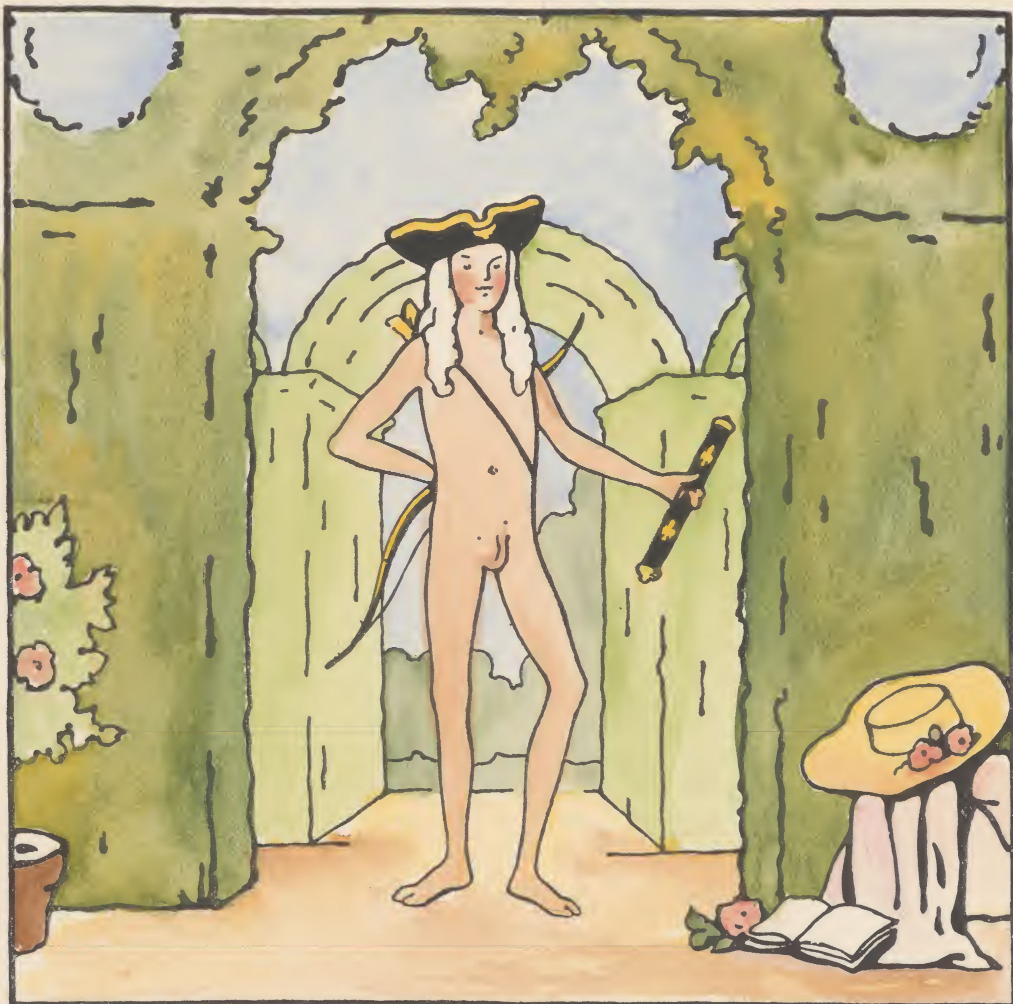
Время, которое я провел так за портретом м-ель да ла Геранжер, было самым прекрасным временем моей жизни. Чего только не представлял я себе в течение этих недель и каких только немых признаний не обращал я к моему божеству! Порою мне трудно было скрыть свое волнение, но, я думаю, м-ель де ла Геранжер ни разу не заметила его. Разве могла она догадаться об овладевшем мною чувстве? Расстояние от нее до меня было так велико. Да и зачем стал бы я делиться с нею моим безумием? Не следовало ли лучше воспользоваться состоянием, в которое оно меня повергло, для того, чтобы создать изображение, достойное предмета моей любви? Только такое проявление чувств и позволяло мне мое скромное положение, раз уж мы жили не на волшебном острове, где всегда счастливые любовники беседуют около фонтанов!

С тех пор я написал много портретов, ибо покинув мастерскую г. Даверэ я предался именно этому роду живописи и приобрел некоторую известность, но ни один из них по яркости колорита и чистоте рисунка не может идти в сравнение с моей первой работой. Портрет м-ель де ла Геранжер — портрет моей любви. Только раз в жизни представляется нам случай создать такую вещь, и никогда больше не достигаем мы ничего подоб-

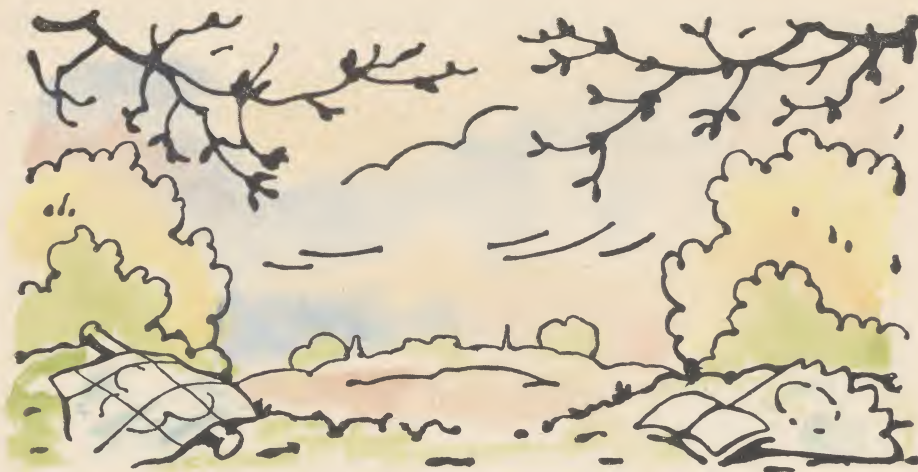
ного. Так было со мною по отношению к этому полотну, которого мне не пришлось вновь увидать впоследствии, но которое, если память не обманывает меня, является лучшим из всего, когда либо написанного мною. Я думаю, что не погрешу против истины, сказав, что оно было не совсем недостойно покойного г. Ватто, и я всегда буду сожалеть о том, что не мог пользоваться его советами, которые, совместно с указаниями природы, помогли бы мне приблизиться к совершенству.

ЛИЧИКО

Le Petit Visage

Я был хорошо знаком с покойной маршальшей де Бреванн и часто посещал ее в особняке ее в Марэ, где она поселилась после смерти мужа, то есть еще довольно молодой женщиной, так как маршал, женившийся на ней уже в пожилых годах, не больше десяти лет пользовался радостями этого позднего союза, убитый, как известно, при осаде Тервиндена ядром, разорвавшим ему грудь и положившим конец его славной карьере.

Г-жа де Бреванн в свое время была восхитительнейшим созданием на свете, и отлетевшая молодость не унесла собой всей прелести, которой наделила ее природа. Бесконечное обаяние сохранилось у г-жи де Бреванн от минувшей красоты и, выйдя из того возраста, когда пленяют, она не перестала обращать на себя внимание. Нельзя было столкнуться с нею, не почувствовав к ней влечения и желания быть ею замеченным.

Это редкое счастье выпало мне на долю; конечно, не за мои личные достоинства, а вследствие родственных связей, существовавших между моей семьей и семьей де Бреваннов. Этого было достаточно, чтобы заслужить благосклонность маршальши, оказавшей мне самый ласковый прием и пригласившей меня наве-

щать ее, так часто, как мне того захочется. Некоторые мои ответы понравились ей вероятно своею наивностью и искренностью, и она сразу признала юного родственника, показавшегося ей не слишком глупым.

Заручившись таким милостивым отношением, я не упускал случая бывать в особняке де Бреваннов. В то время, о котором я говорю, маршальша уже почти не выходила из дому. Здоровье у нее было плохое и она очень берегла его. Чаще всего г-жу де Бреванн можно было застать в обитой мягкой материей будке, где она укрывалась от сквозного ветра. Г-жа де Бреванн всегда была очень хрупкой, об этом свидетельствовала тонкость ее талии и легковесность ее тела, но хрупкости своей она была обязана самыми нежными ручками в мире и самым привлекательным личиком на свете. Разумеется, розы и лилии уже больше не цвели на нем, но оно сохранило изящное совершенство черт, соединенное с веселым и добрым выражением.

Разговор ее соответствовал ее облику. Маршальша де Бреванн отличалась большим остроумием, живым и полным разнообразных оттенков. В нем было много насмешливости и задору, но ни капли злости. Она прекрасно говорила и славилась своими рассказами, которые сопровождала забавными и комическими минами. Особенно хороши были ее портреты; что до анекдотов, то она обладала целой сокровищницей их и охотно из нее черпала.

Среди этих анекдотов некоторые относились к маршалу де Бреванн, и к ним то, признаюсь, я и питал особенное пристрастие. Я пламенно восхищался великим военачальником и знал наперечет его подвиги. Я помнил все совершенные им походы, взятые им крепости, одержанные им победы и интересовался каждой касающейся его подробностью. Г-жа де Бреванн заметила мое поклонение и охотно шла ему навстречу. Когда нам случалось оставаться вдвоем, она, по собственному почину, переводила разговор на маршала и рассказывала мне о нем тысячу историй как героического, так и шутливого характера, ибо доблесть маршала не мешала ему широко пользоваться жизнью и любить смех не меньше побед. Он отличался даже известной вольностью нравов, так что в пятьдесят лет был еще холостяком и сильно

рисковал навсегда остаться таковым, если бы не подвернулся во время случай, заставивший его решиться на брак.

Жена его, прежде чем сделаться ею, звалась м-ель де ла Бланшер и жила со своими родителями в замке на берегу Мозеля. Ей было тогда шестнадцать лет, и она наполняла дом своими шалостями и причудами. Отец и мать обожали ее и очень встревожились, узнав, что местности их угрожает война. Враг двигался форсированным маршем, а мы, чтобы остановить его успехи, располагали только тонкой пленкой войск. Г. и г-жа де ла Бланшер уже собирались искать убежища в городе, когда им сообщили о прибытии подкреплений под командой маршала де Бреванн. Новость эта изменила намерения г. де ла Бланшер и, вместо того, чтобы наглухо запереть двери он приказал сделать приготовления на случай, если г. де Бреванн пожелает остановиться в замке.

При свете факелов, ибо наступила уже темнота, вышел маршал из кареты у под'езда замка. Г. де ла Бланшер, встретив гостя, провел его в залу, где находились его жена и дочь. М-ель де ла Бланшер сделала самый изящный реверанс, ни мало не оробев перед огромными сапогами, огромным париком и голубой орденской лентой. Затем, после обмена обычными любезностями, маршала проводили в его аппартаменты и оставили там наедине с его мыслями.

Они были довольно изумительного свойства, ибо позванный к маршалу на другое утро г. де ла Бланшер не поверил своим ушам, когда тот без дальнейших рассуждений заявил ему, что он без памяти влюблен в м-ель де ла Бланшер и не двинется с места, пока не получит ее согласия стать его женой.

Добрый г. де ла Бланшер, отправляясь к дочери с таким странным предложением, ждал, что она рассмеется ему в лицо, и удивлению его не было границ, когда м-ель де ла Бланшер, с большой серьезностью выслушав его слова, принялась уверять его, что маршал именно такой муж, какого ей надо, и что она сумеет заставить плясать по своей дудке всех их: его огромные сапоги, его огромный парик и его голубую ленту. Словом, что, по окончании кампании, из нее выйдет превосходная маленькая маршальша.

— Так оно и случилось! смеясь говорила она мне. Характеры наши оказались вполне подходящими и союз наш был счастлив во всех отношениях. Конечно милому маршалу пришлось мириться кое с какими легкомысленными моими поступками, но разве молодость не оправдывала их? Впрочем он прощал мне их от чистого сердца, ибо доброта его доходила до крайности, как и его храбрость. А между тем было одно обстоятельство, за которое он никогда не переставал на меня сердиться. Когда, по временам, нахмурив брови, он погружался в долгое молчание, я отлично знала причину его задумчивости. И я начинала смеяться. Он чувствовал, что я его угадываю, и чудесный рубец на его щеке краснел от гнева.

И г-жа де Бреванн из глубины своей обитой материей будки подняла глаза на портрет мужа, висевший на стене и, казалось, приказывающий ей замолчать неподвижным жестом увенчанною гербовой лилией жезла.

— Ах! продолжала она, бедный мой маршал, я прекрасно знаю, что я причинила Вам большое огорчение! Помните ли Вы утро, когда Вы уехали, увозя на пальце кольцо такое же, как и то, что Вы надели мне на руку? Вы отправились командовать битвой, которая должна была рассеять врагов короля. Все меры были Вами приняты, и Вы не сомневались в победе. Слава протягивала Вам новые лавры, но Вы не особенно спешили сорвать их. Вы оставили позади себя дорогое для Вас личико, которое, быть может, Вам не суждено было больше увидать. В первый раз храброе сердце Ваше билось любовью не только к сражениям. В первый раз Вы думали о том, что ядра, бомбы, мушкеты, сабли очень гадкие вещи и что они делают злое дело. Вы вдруг заметили, что человеческое тело крайне хрупкое сооружение и что достаточно нескольких унций свинца или железа, чтобы нанести ему непоправимый вред. И в первый и единственный раз в жизни Вы испытали, г. маршал, страх, страх, страх! Так что Вам пришлось делать усилия, чтобы среди боевого огня не нагибаться под залпами. Вы испытали страх, думая, что быть может Вас принесут окровавленного к моим ногам, и что быть может над Вами в слезах склонятся глаза, в которых Вам так сладко было бы увидеть улыбку Вашей победе.

— И в страхе этом Вы признались мне в тот вечер, когда вы вернулись победителем, на Вашей прекрасной, медленно выступавшей среди факелов, лошади, окруженный взятыми Вами знаменами, в пробитых сплошь пулями латах. Ах! Вы никогда не могли простить мне этого, бедный мой маршал!

И г-жа де Бреванн погрозила пальчиком портрету героя Тервиндена и Хольрехта, и прибавила, повернув ко мне свое миниатюрное личико с милыми морщинками:

— То был, согласитесь, недурный успех для такого личика, как мое!

